

Семинар «В поисках смысла жизни». Спектакль «Над пропастью в...».

(доклад – эссе студентки НМУ им. А.А. Богомольца Елизаветы Радванской на заседании школы-семинар «Проблемы биоэтики и физики живого» от 23.12.2014 г.)

Суициды – это в первую очередь болезнь общества или психические, психологические, моральные проблемы конкретных людей? Возможно ли понять такого человека тем, кто с этим не сталкивался? Осудить? Пожалеть? Сопереживать? Считать его поступок

разрушительным для общества – или считать поведение общества разрушительным для этого человека?

Хочется сказать о спектакле «Над пропастью в...», который очень четко озвучивает проблему самоубийств, показывая и мотивы, и переживания, и судьбы людей, желающих совершить суицид. В первой части спектакля можно

увидеть внешние проявления подготовки к этому поступку: эмоциональность, психологическая замкнутость, агрессивность в поведении героев; сужение их сознания, оставившее для них лишь одну цель и стершее вокруг все остальное: мысли о родных, поиск помощи... Уже потом герои начинают раскрывать свои настоящие мотивы. Их монологи становятся похожими на крик, на зов, пропитанный отчаянием – но не на просьбу. В таком состоянии человек уже не может просить, разочарование блокирует его веру в то, что его услышат и поймут. Герои в конце спектакля все еще хотят жить, даже стоя на краю пропасти, но это их желание настолько затуманено болью и страхом, что они почти не ощущают его. Любовь, которой им так не хватало всю жизнь, теперь у них есть, но может ли она быть сильнее этого страха перед будущим? Любовь дает счастье, но умеют ли

такие люди, травмированные жизнью, принять это, или отталкивают его? Ведь очень часто мы боимся испытать счастье именно потому, что страшимся потом его потерять...

И поэтому сами себе не позволяем быть счастливыми. Пьеса наталкивает зрителя на размышления: а сможешь ли ТЫ не упустить свой последний шанс на радость и на жизнь, сможешь ли ТЫ не прыгнуть в пропасть, когда на одной чаше весов – боль всей твоей

жизни и гнетущие воспоминания, а на другой – всего один день, но день, подаривший тебе любовь, день, когда ты впервые хоть на миг ощутил себя необходимым кому-то?.. Сможешь ли поверить, что твои страдания прекратятся не оттого, что умрешь, а оттого, что просто будешь жить по-

другому? А главное – поверить в себя, в то, что ты и вправду способен жить не так, как раньше?..

В рамках семинара вспоминается имя известного поэта Бориса Рыжего. Мы формируем мнение о нем по рассказам родственников и друзей, документальным фильмам, передачам, его стихам. Но именно стихи ярче всего раскрывают внутренний мир и переживания человека. И, перечитывая творчество Бориса Рыжего, можно обратить внимание, что лейб-мотивом его стихов являлась глубокая болезненность, неустыжённость и абсолютная беспомощность перед болью.

В ток-шоу на видео звучал вопрос, почему человек покончил с собой, повесившись на балконной двери, будучи на взлете творческой карьеры, имея сына, семью, поклонников и широкие перспективы. Но тут-то и кроется разница между здоровым и болезненным восприятием действительности.

Норма и болезнь – две стороны медали, и эта медаль символизирует само человечество. Норма – то есть сознание психически здоровых людей – способна порождать гармонию, и, как следствие, – радость жизни. Сознание же болезненное имеет в своей основе хаос, приводящий к невыносимой внутренней боли. Именно из-за этой боли и, к тому же, непонимания со стороны здоровых, такой человек начинает свой безрезультатный бег по жизни. И алко-, и нарко-, и сексо-, и трудовоголизм – внешние проявления его внутренней боли. Этот бег оканчивается измождением, от которого человек и погибает. Внутренняя гибель – первый шаг на пути самоубийцы к суициду.

Сам **суицид** можно разделить на **два вида**: первый – от гордыни (не восприятие проблем, условий жизни у, так сказать, «здоровых» – как таковых здоровых нет, ведь мы все

больны грехом).И второй вид суицида – от невыносимой душевной боли у людей с нездоровым восприятием мира. Изначально причиной такого восприятия могут быть: предрасположенность, внешние психотравмирующие факторы.И речь сейчас пойдет именно о втором виде суицида.

Вспомним стих Бориса Рыжего, посвящение наркологу:

А.П. Сидорову, наркологу

Синий свет в коридоре больничном,
лунный свет за больничным окном.

Надо думать о самом обычном,
надо думать о самом простом.

Третьи сутки ломает цыгана,
просто нечем цыгану помочь.

Воду ржавую хлещешь из крана,
и не спится, и бродишь всю ночь
коридором больничным при свете
синем-синем, глядишь за окно.

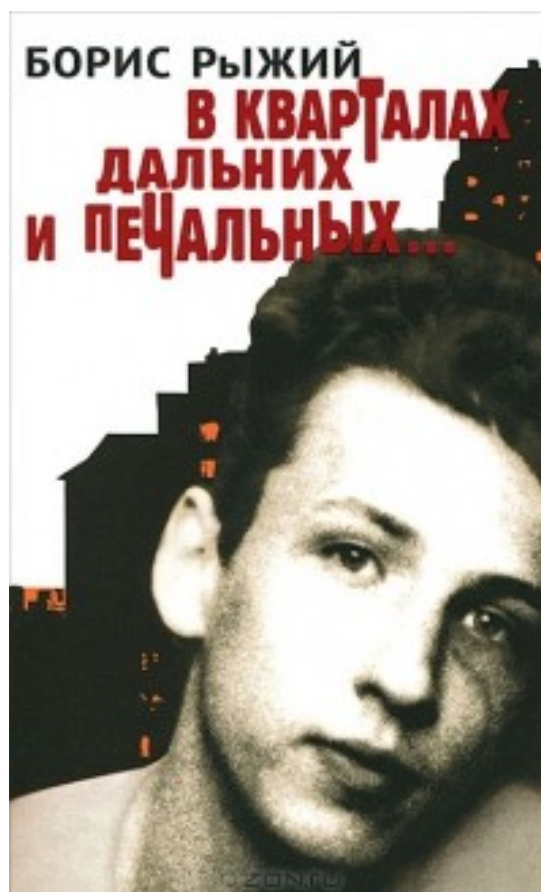
Как же мало ты прожил на свете,
неужели тебе всё равно?

(Дочитаю печальную книгу,
что забыта другим впопыхах.

И действительно музыку Грига
на вставных наиграю зубах.)

Да, плевать, но бывает порою...

Всё равно, но порой, иногда
я глаза на минуту закрою,
и открою потом, и тогда,
обхвативши руками колени,
размышляю о смерти всерьёз,
тупо пялясь в больничную стенку
с нарисованной рощей берёз.

Если здоровые люди способны осознать смысл жизни через анализ восприятия Высшего во внешних проявлениях Бога (например, та же красота природы, чья-то доброта, искренняя жертвенная любовь), то больные воспринимают эти проявления как укор: «Я не такой, как надо; не такой, как все». Самообвинение усугубляется тем, что этот человек хочет видеть радость, но не может – и ошибочно считает, что и в этом – виноват он сам.

Прочитаю свое стихотворение:

Их не было. Ни строчек, ни стихов,

Ни мыслей, бередивших ночью душу.

*Она вставала с пеньем петухов.
Она была меня намного лучше.
Она жила без песен. Без обид.
Без вымученных гордостью истерик.
Ей за окном не опостылел вид.
Ее слова на воздух не летели.
Она стирала, гладила, и борщ
Варила и наваристый, и вкусный.
Она старье выбрасывала прочь.
И очень редко ей бывало грустно.
Она любила собирать цветы.
Вязать носки. И вышивать пейзажи.
Ее надежды были так просты:
Не то, что неподъемная поклажа
Надежд моих – измученных и злых,
Испуганных, тщеславных, своенравных...
В своей душе все болью не изрыв,
Она была приветливой и славной,
Как данность, принимая и беду,
И радость. Она верной быть умела
Самой себе – идя сквозь череду
Полос и черных, и слепяще белых.
Я быть такой – могла. Мы все – могли.
Но, искалечив собственную душу,
Не видим свет в себе, а лишь – вдали –
Тот огонек, который так нам нужен.*

Подобное **самобичевание** приводит к тому, что человек начинает хвататься за прошлое – из-за страха будущего и непонимания, а, как следствие, неприятия настоящего. Эта тема поднята и в спектакле «Над пропастью в...» - герои пьесы боятся жить, боятся встретиться воочию со своими чувствами, воспоминаниями и мыслями о будущем. Как можно увидеть в спектакле, такие люди все же способны избавиться от этого страха, у них нет активного нежелания жить, а есть только боязнь и огромный ворох мыслей и чувств, в котором они запутались. Героиня вспоминает о далеком прошлом (детстве) с ностальгией и тоской, что типично для подобной ситуации. В этом детстве, как ей кажется, было счастье, которого в будущем она не видит, и, оглядываясь назад, свою тоску перевоплощает в обиды и боль, и с этой болью справиться не может, а оттого – и стремление умереть. По ходу пьесы возникает вопрос – достаточно ли любви, влюбленности, новых ощущений своей нужности кому-то – для того, чтобы побороть боль и страх? Концовка остается открытой, - именно поэтому каждый зритель после просмотра спектакля сможет лучше понять себя самого.

Так же и в видеосюжете мы слышали слова Бориса Рыжего: «Мой старый двор... Лучшие годы жизни – это мое детство, меня так тянет все время возвращаться сюда». Результат такого мышления – разочарование, депрессия, отчаяние. И несчастный уже не верит, что его поймут и поддержат. В стихах – как будто мольба: «Посмотрите на мир моими глазами!..», но и эта мольба все больше угасает вместе со всеми надеждами.

Стихотворение Бориса Рыжего:

*Ничего не надо, даже счастья
быть любимым, не
надо даже тёплого участия,
яблони в окне.
Ни печали женской, ни печали,
горечи, стыда.
Рожей — в грязь, и чтоб не поднимали
больше никогда.
Не вели бухого до кровати.
Вот моя строка:
без меня отчаливайте, хватит
— небо, облака!
Жалуйтесь, читайте и жалейте,
греясь у огня,
вслух читайте, смейтесь, слёзы лейте.
Только без меня.
Ничего действительно не надо,
что ни назови:
ни чужого яблоневого сада,
ни чужой любви,
что тебя поддерживает нежно,
уронить боясь.
Лучше страшно, лучше безнадежно,*

лучше рылом в грязь.

Человек принимает то, что он – чужой. И уже не надеется на другую жизнь и другое восприятие. Наступает полное отчаяние. Смысл жизни уже не виден, и существование сводится не к крику: «Я хочу жить!», а к стону: «Я хочу ВЫжить».

Прочитаю еще один свой стих:

Продержаться еще хоть день –

Хоть неделю – уже победа.

Ходят страхи за мной, как тень,

Продержаться бы – до обеда,

Хоть минуту еще одну!

Каждый вздох – значит, я – живая.

Даже если иду ко дну,

Но пока еще – выплываю.

Одиночеством – допьяна,

Словно спиртом – лечу печали,

Пусть во всем лишь моя вина –

Я за боль свою – отвечаю.

Перепутаны имена,

Перевернуты все вопросы.

Даже если совсем одна, -

Заплетаю тугие косы,

Узелками – шнурки сапог,

На руках – до локтей – перчатки,

Если пальцами на курок –

Не останутся отпечатки.

Продержаться еще хоть час –

Ожидая, что крикнет кто-то:

«Я приду». И на это раз –

Вновь поверить, живую воду

Чьих-то слов – чьих-то слов простых

Выпивая до дна. Как воздух.

Позабыв про упрек и стыд.

Продержаться... пока не поздно...

Больной не способен сам вытащить себя из такого состояния. Одиночество, тоска, грусть выводят его за грань понимания здоровыми, а он, в свою очередь, уже тоже абсолютно не понимает их. Его изгоняют из общества. Так было всегда – вспомнить хотя бы пример из Евангелия «Об исцелении Гадаринских бесноватых». И в наше время люди, пытавшиеся совершить суицид, зачастую сталкиваются с презрением, наравне с алко- и наркозависимыми. Вина же за их поступок лежит на здоровых, которые оставили несчастных наедине с болью. Такие люди идут на суицид как на единственную возможность выбраться из этого ада одиночества, укоров и непонимания; их муки здесь настолько страшны, что про участь в Вечности они уже не размышляют.

Единицы, вырвавшиеся из информационной блокады, не только оставили нам шедевры искусства, но и своим существованием нанесли миру упрек в его бессердечности: Цветаева, Ван Гог, Гоголь, Эдгар По, Есенин, Александр Башлачев, Борис Рыжий и многие другие.

Сам же **механизм суицида** очень коварен. Сначала в травмированной истощенной психике начинает отключаться инстинкт самосохранения (проявления такого отключения – это, например, мании у больных биполярным расстройством). Агонизируя, этот инстинкт сводит все мысли к тому самому стону «Я хочу ВЫжить», после чего на смену самосохранению приходит механизм самоуничтожения (то есть разрушение даже базовых человеческих ценностей), переводя несчастного при жизни в состояние «живого мертвеца», сужая его сознание и выбрасывая «за пределы кадра» все, кроме пути к гибели. Как следствие – передоз, измождение на работе, ВИЧ или суицид уничтожают человека.

Прочитаю свой стих:

Ты переходишь из дома в дом –

Холодно в первом, тепло в другом,

В третьем так страшно – хоть волком вой,

Ну а в четвертом – одна лишь боль.

Так и проходит вся жизнь твоя.

Не поднимаются якоря –

В море далекое не уплыть,

Только замерзнуть и волком выть.

Скажут: «Потерпишь, и не умрешь».

Жуткая стынет по телу дрожь,

Страх обнимает тебя собой,

Сил не хватает продолжить бой.

Будет, конечно, твое «потом» -

Очередной неприглядный дом

В сердце, лежащем, как старый пес,

Там, возле будки, в которой рос.

Старый пес – это прошлое. Его так не хотел отпускать Борис Рыжий. Детство, наивность, первая любовь, друзья... Они тянули его назад лишь потому, что тогда сознание было еще по-юношески эйфорическим, и были еще силы бороться и способность видеть тот свет, который впоследствии был поглощен едким обволакивающим туманом депрессии. Усугубляли это состояние его проблемы в отношениях с близкими, со здоровьем и финансами, все большие требования окружающих. И все отчетливее ощущалась пустота – многие друзья умерли, умерло и чувство влюбленности, и взаимность...

Человек должен опираться на то, что есть внутри него самого – на частичку Творца в себе, а не на то, что является временным и связанным с другими людьми и их чувствами.

Мой стих, называется «Кусочек глины»:

И покинутых жаль, да и тех, кто покинул.

Кто – свой дом, кто – жену, кто – себя, кто – друзей.

В сердце камень – извне, изнутри – только глина.

Так лепи из нее – это главный резерв...

Не умея, лепи. Как ребенок, впервые.

То, что хочешь увидеть в себе же самом.

Только так нам возможно остаться живыми

В этом гаснущем мире, почти неживом.

Не умея, лепи. Для себя – как поэты

«В стол» писали стихи, никому не прочтя.

Не надеясь на «что-то», «когда-то» и «где-то».

То, что лепишь – есть ты. Остальное – мечта.

Ты с собой не возьмешь ни богатства земного,

Ни чужой красоты ты с собой не возьмешь –

Только глины кусочек. И в нем – вся основа.

И лишь то, что слепил – в твоей жизни – не ложь.

А Борис Рыжий опирался именно на чувства, на воспоминания, ощущения и желания. Человек со слабой психикой как никто зависим от других. И даже зная, что так нельзя, он попросту не умеет мыслить иначе. В плену своих страхов и иллюзий он не то что не опирается на частичку Высшего в себе, а уже даже и не видит ее, и ищет помощи и надежды от окружающих, а не от Бога или от себя самого.

По творчеству Бориса Рыжего можно сказать, что страдание сопровождало его практически всю жизнь. Но все же он старался искренне любить – близких, сына, жену, друзей. И, может, проблема именно в том, что в его болезненной психике искренности и любви, отточенных болью, было больше, чем в психике здоровых людей, не видящих вокруг ничего и никого, кроме себя.

Хорошо, что есть такие семинары (которые проводит Анатолий Иванович Егоренков),
разносторонне озвучивающие эту проблему и воодушевляющие здоровых помочь
больным, а больных – принять помощь здоровых.

Ведь каждому из нас, в любом возрасте и при любых обстоятельствах, все равно страшно
умирать одному...

Когда я стану умирать,

Будь рядом, ведь на этом свете

Мы – лишь испуганные дети,

Которых некому обнять.

Елизавета Радванская, студентка НМУ им. А.А.Богомольца, член Южнорусского союза писателей. Киев. 23.12.2014 г.

